

Метонимия

«Я три тарелки съел», – говорит персонаж басни Крылова «Демьянова уха». Слово «тарелка» употреблено здесь как обозначение порции уха. Уха и тарелка ничем не похожи друг на друга, они связаны лишь тем, что одно наливается в другое, связаны чисто внешней смежностью. Такой перенос по смежности называется метонимией (в пер. с греч. — «переименование»).

Метонимия наряду с метафорой — один из способов образования новых значений слов в языке. Например, слово «бумага» приобрело значение «официальный документ» (так как документы пишутся на бумаге). Мы то и дело прибегаем к метонимическим применениям слов в своей обыденной речи: «читаю Пушкина» (вместо «произведения Пушкина»), «голова прошла» (вместо «головная боль»), «Бразилия выиграла у Испании» (вместо «футбольная команда Бразилии...») и т. п.

Вот известное пушкинское четверостишие:

«Все мое», – сказала злато;
«Все мое», – сказал булат.
«Все куплю», – сказала злато;
«Все возьму», – сказал булат.

«Злато» — метонимия богатства, «булат» — метонимия военной силы. Использование этого приема в сочетании со звуковым повтором (*злато* — *булат*) делает художественное противопоставление в высшей степени энергичным.

Частный случай метонимии — *синекдоха*. Этот прием состоит в назывании целого через часть («Все *флаги* в гости будут к нам»), части через целое («Золотая, дремотная *Азия* опочила на куполах»), в замене единственного числа множественным («*Мы* все глядим в Наполеоны») или множественного единственным («И слышно было до рассвета, как ликовал *француз*»).

Граница между метонимией и синекдохой достаточно условна, поэтому применительно к художественной литературе можно говорить о метонимическом типе образности, включая и синекдоху.

В отличие от метафоры, способной к сближению самых отдаленных предметов и понятий, метонимия имеет дело только с теми связями и сочетаниями, которые существуют в самой жизни. Но в этом и потенциальная сила метонимии: она может достигать большой эмоциональной достоверности, создавать эффект присутствия читателя в художественном мире. Метонимические детали и подробности нередко служат своеобразными «вещественными доказательствами» описываемых событий и переживаний.

Вот фрагмент из стихотворения Блока «На островах»:

Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту,
И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...

Женские образы, намеченные легкими метонимическими штрихами, исполнены особой поэтической таинственности.

Метонимическая образность находит широкое применение в художественной прозе. Вспомним эпизод из повести Достоевского «Бедные люди»: пожилой чиновник Макарь Девушкин, допустивший ошибку при переписывании важной «бумаги», вызван к начальнику департамента. В это время от мундира Девушкина отрывается пуговица. Вроде бы

эта подробность с сюжетом связана чисто случайно, но Достоевский метонимически строит на ней всю трагически-пронзительную ситуацию:

«Моя пуговка — ну ее к бесу — пуговка, что висела у меня на ниточке, — вдруг сорвалась, отскочила, запрыгала (я, видно, задел ее нечаянно), зазвенела, покатила и прямо, так-таки прямо, проклятая, к стопам его превосходительства, и это посреди всеобщего молчания! <...> Нагнулся, хочу взять пуговку, — катается, вертится, не могу поймать, словом, и в отношении ловкости отличился. Тут уж я чувствую, что и последние силы меня оставляют, что уж все, все потеряно! Вся репутация потеряна, весь человек пропал!»

После этого «его превосходительство» дарит Девушкину сто рублей, но не великодушный жест сановника определяет художественную логику всей сцены, а именно «пуговка», передающая ощущение неутраченной боли и страдания.

Изобразительные возможности метонимии демонстрирует проза Чехова, Бунина. В чеховской «Чайке» есть эпизод, когда начинающий писатель Треплев, тяготеющий к глобальным символам и изысканным метафорам, вынужден признать превосходство своего коллеги, строящего образы и описания на простом, обыденном материале:

«Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова...»

По принципу синекдохи (целое через часть) рисовал словесные картины и сам Чехов.